

Глава 36. Опровержение слухов

Бере... чего? Берем... чего? Какая ещё беременность?

Цзян Тан, который только что вполне весело болтал с большим белым тигром, мгновенно застыл, словно молния ударила ему прямо в макушку.

— Иу-у-у!

Е Чжэнвэнь, следи за языком! А не то я тебе всю рожу расцарапаю!

Серебристый тигр, увидев, как любимый комочек вдруг взвился, тоже занервничал. Огромная голова качнулась, и он попытался подлезть поближе.

— Ау-у~ Комочек, комочек, ты чего сердишься? Что с хозяином?

— Иу-у-у! Не лезь! Это наше с ним личное дело!

— Ау? Но... но я ведь так люблю хозяина и тебя люблю так же, как хозяина. Может, вы не будете драться?

Толстенький белый комочек, одновременно переругиваясь с большим тигром, изо всех сил тянулся из рук Фу Линцзюня, чтобы цапнуть Е Чжэнвэня. Но лапы были слишком короткие, так что он лишь бешено махал ими в воздухе, всё равно не доставая.

Е Чжэнвэнь посмотрел на эти коротенькие, толстенькие лапки шевелящегося комочка, затем на волнами перекатывающийся жирок у него на животе, потом обернулся к серебристому тигру с самым невинным видом, ещё раз перевёл взгляд туда-сюда и вдруг просиял:

— Брат Линь, брат Линь, скажи, а если Сяо Бай и Да Бай в последнее время так хорошо ладят, то неужели...

Он не договорил, потому что внезапно почувствовал, как по спине ползёт холод. Ледяная волна рванула от ступней вверх с такой скоростью, что его чуть не перекосило.

Е Чжэнвэнь весь вздрогнул.

Он поспешно потёр руки, словно хотел согнать этот холод, и, всё равно сияя от радости, продолжил:

— Неужели между Да Баем и Сяо Баем что-то такое было, просто мы не заметили? Ты только

посмотри на Сяо Бая...

Но тут его оборвали снова.

На этот раз холод был ещё сильнее, чем прежде, — настолько, что на несколько секунд он почти весь окаменел.

Глоть.

Е Чжэнвэнь судорожно сглотнул, дрожащим взглядом уставился себе под ноги — ничего странного там не было. Он огляделся по сторонам: у внешней окраины Уя уже показалась первая белизна рассвета, но в глубине чащи всё ещё держались ночной холод и не успевший рассеяться туман.

А когда он поднял глаза на птиц в ветвях, то ему даже их крошечные, как зелёные бобы, глазки показались жуткими и совершенно бездушными.

— Б-брат Линь, — молодой господин Е заметно струхнул. — Ты не чувствуешь... что вдруг стало очень холодно? Пошли, пошли быстрее. Вдруг тут вылез какой-нибудь высокоранговый демонический зверь!

Сказав это, он махнул тигру и рванул вперёд на пару шагов, но не забыл обернуться и поторопить Фу Линцзюня:

— Брат Линь, скорее!

Повреждённая душа Фу Линцзюня впервые после выхода из долины Тяньбэй пронзительно заболела так сильно.

Он тяжело выдохнул и невольно начал гладить тёплую пушистую маленькую белую собачку у себя на руках.

Лёгкий сладковатый аромат немного успокоил его раздражённую душу. Но, глядя, он невольно снова вспомнил слова Е Чжэнвэня.

Зверёк под рукой ощущался куда приятнее, чем раньше. Прежде казалось, что он просто пушистый, а теперь, стоило прижать шерсть, выяснялось, что весь комочек и сам мясистый: куда ни тронь, всюду упругая плоть, крепкая и мягкая.

Чёткие пальцы прошли от круглой головы Сяо Бая по мягкой спине, быстро скользнули по налившейся задней лапе и остановились на сочном брюшке.

Пальцы чуть подцепили — и мягкое тёплое мясо прямо выплеснулось в ладонь.

Цзян Тана уже давно не гладили вот так, целиком. От прикосновений прекрасного мужчины всё его тело приятно занемело и зазудело, особенно живот. Наверное, кормёжка и правда была слишком хорошей: в последнее время он заметно округлился.

Пусть сейчас он и не человек, в этой круглой белой собачке всё же сидела человеческая душа. Цзян Тан, испытывая лёгкий укол стыда, чуть-чуть задёргался, свернулся клубком и не дал Фу Линцзюню дальше трогать пузико.

Лицо Фу Линцзюня стало ещё мрачнее.

И таким мрачным оно оставалось вплоть до того момента, как все вместе отправились есть в Цяньцяо.

Что там у него дальше было с лицом, Цзян Тан уже не видел. Просто Сун Цзиньяо, не зная, кто что любит, позволил Е Чжэнвэню как человеку расторопному самому заказать всем подходящие блюда. Заодно тот, пользуясь случаем, тайком выпросил у Шэн Исюэ, что любит она.

Фу Линцзюнь, как обычно, есть не любил, поэтому для него Е Чжэнвэнь заказал знаменитое вино Цяньцяо — гардениевую настойку. Сян Син даже воды не пил, зато обожал смотреть, как Сяо Бай ест, так что его усадили прямо напротив.

И только перед Цзян Таном, которого все по умолчанию называли Сяо Баем, поставили огромную тарелку. Мясо было разложено цветком и аккуратно поделено на несколько кусочков — сплошь из его самых любимых. Даже маленькая чашка фруктового сока стояла рядом: поешь жирного мяса, а потом запей соком, чтобы освежить вкус, — просто счастье.

Цзян Тан с напусканной сдержанностью принялся за мясо, одновременно устраивая для Сян Сина настоящий мукбанг и слушая, о чём говорят остальные.

Впрочем, «остальные» — это громко сказано. Сун Цзиньяо был человеком немногословным, Шэн Исюэ первой разговор не заводила, Сун Янь и подавно нет — он вообще ходячий труп-шпион. Так что весь стол трещал только от одного Е Чжэнвэня, который без конца тараторил и спрашивал обо всём подряд.

— Даос Сун, я, конечно, тогда толком не присмотрелся, но у тебя духовная сила какая-то нестабильная. Ты получил ранение?

Сердечный молодой господин Е спрашивал это за едой и при этом мастерски умудрялся невзначай произнести что-нибудь крайне болезненное.

— Сразу не вспомнил, но пока шли, до меня дошло: перед тем как я отправился на Битву Небесных Дарований, дядя специально упоминал тебя. Говорил, что ты на год младше меня, а до формирования ядра тебе оставался год-два. Так как же твой уровень вдруг так сильно просел?

Удар был мощный и унижительный. Даже Цзян Тан невольно поднял голову, чтобы посмотреть на лицо Сун Цзиньяо.

Но всё-таки тот был главным героем. Услышав такую колючую фразу, он даже не изменился в лице и спокойно ответил:

— Два месяца назад этот Сун был отравлен ядом зверя Гу. Основание было повреждено.

— Зверь Гу?! — Е Чжэнвэнь так перепугался, что у него даже куриная ножка выпала изо рта. — Н-неужели, когда тебя отравили, глава секты Хуаньюнь был рядом? Ты... ты...

Он чуть было не ляпнул вслух: «И как ты вообще после этого выжил?»

Но, к счастью, остановился. Он всего лишь по привычке сболтнул лишнего, а вовсе не собирался непременно докапываться до сути. Узнав же, что у Сун Цзиньяо из-за яда пострадал духовный корень, он совершенно искренне расстроился.

А потом вспомнил, что девушка, в которую он влюбился, как раз лекарка, и оживлённо спросил:

— Госпожа Шэн, а вы не знаете, есть ли какое-нибудь небесное сокровище, которое могло бы решить проблему даоса Сун?

Шэн Исюэ всё ещё не вышла из того состояния, в которое её ввергло нарочитое отчуждение Сун Цзиньяо. Услышав вопрос Е Чжэнвэня, она медленно подняла на него влажные осенние глаза.

— Я... лишь читала в древних книгах, что кость судьбы благого зверя может заново сформировать духовный корень, а ещё обладает силой возвращать к жизни мёртвых и наращивать плоть на костях. Но благие звери не появлялись уже десять тысяч лет, так что... остаётся только искать другие способы.

Она не заметила, что, едва прозвучали слова «благой зверь», брови Сун Цзиньяо чуть заметно дёрнулись и почти сразу вернулись в прежнее положение.

— А, благой зверь... — Е Чжэнвэнь подобрал свалившуюся в тарелку куриную ножку и продолжил её обглаживать. — А чем-нибудь вроде духовной травы заменить нельзя?

Шэн Исюэ медленно опустила голову.

Согласно оригиналу, как чрезвычайно талантливая лекарка, к этому моменту Шэн Исюэ уже должна была вступить в секту Хуаньюнь и при первом же появлении получить читерский старт: заслужить внимание главы Му Фаньюаня и остаться при нём для личного обучения. Эта связь потом пригодилась бы и главному герою Сун Цзиньяо, немало помогая ему на пути культивации.

Но теперь линия сюжета пошла иначе. У Сун Цзиньяо не оказалось кости судьбы, чтобы силой небес изменить судьбу. Шэн Исюэ ради него тайком сбежала из дома, упустила линию с поездкой в Хуаньюнь и теперь оказалась вместе с ними.

Шэн Исюэ тихо вздохнула:

— Не знаю.

Е Чжэнвэнь подумал и спросил:

— А нефрит Тяньхэ подойдёт? Пусть не восстановит всё полностью, зато лучше всего подпитывает основу.

— Награда за нынешнюю Битву Небесных Дарований? — глаза Шэн Исюэ тут же загорелись. — Это и правда может помочь. Только... у брата Цзюня повреждён духовный корень, боюсь, он не сможет участвовать в поединках...

— А я и не собирался биться на арене. Разве очки нельзя получать ещё и за убийство демонических зверей по уровням? Я как раз хотел собрать отряд. Они останутся в области Цянькунь и будут выступать на турнире, а мы выйдем наружу и начнём охоту на зверей. Потом очки поделим между всеми. Ну что, идёте?

Разумеется, не встретить он Шэн Исюэ, Е Чжэнвэнь вряд ли стал бы приглашать Сун Цзиньяо, который только тормозил бы команду.

Но красота — бедствие. Молодой господин Е решил, что сумеет убить чуть больше зверей и так.

Когда все наелись и напились — в основном, конечно, Цзян Тан и Е Чжэнвэнь, — они в прекрасном настроении вышли из Цяньцяо.

Просидели они там долго. За это время успели примерно определить временный состав отряда для фарма очков на Битве Небесных Дарований: Е Чжэнвэнь, Шэн Исюэ, Сун Цзиньяо и Фу Линцзюнь под именем Линь Шэн.

Впрочем, по характеру молодого господина Е было ясно: он наверняка будет звать кого-то ещё. В конце концов, на нём одном повисали хрупкая лекарка Шэн Исюэ, почти не способная постоять за себя, Сун Цзиньяо с повреждённым духовным корнем и нестабильной силой, а ещё Линь Шэн, превосходно разбирающийся в символах и формациях, но, вероятно, не слишком сильный в бою... Стоило Е Чжэнвэню это представить, как у него начинала болеть голова. Поэтому он уже собирался подыскать нескольких сильных кандидатов и добрать их в отряд.

Когда они доели и вышли из Цяньцяо, уже был полдень.

Это было самое оживлённое время в области Цянькунь, и улицы ломились от снующих туда-сюда культиваторов.

Едва молодой господин Е переступил порог, как какой-то разъярённый юноша с силой врезался ему плечом в плечо, чуть не опрокинув на месте.

Он уже собирался вспылить, но быстро увидел, что тот налетел не на него, а рвался к двум юношам, шедшим навстречу.

Один из них был одет по последней моде Южного Огненного континента: бирюзовая верхняя накидка, серебряная корона, нефритовый пояс, сапоги из кожи высокорангового демонического зверя, ещё и с маленькими водяными кристаллами сбоку. Лицо у него тоже было вполне симпатичное, а весь вид — откровенно богатый.

Другой был одет совсем просто, даже не в парчу, а в обычную холщовую одежду, какую носят смертные. Но сам он был подтянутым, жёстким, с крепким костяком и красивым, чистым лицом, так что скромная одежда почти не бросалась в глаза.

— Ах ты, Ци Цунъюй! Убил человека и ещё так нагло заявился в область Цянькунь! Сегодня я тебя точно зарублю!

Культиватор, который только что толкнул Е Чжэнвэня, уже поднял духовную силу. Длинный клинок в его руке блестел холодом, и он всей мощью рубанул по богато одетому юноше.

Названный Ци Цунъюем юноша высокомерно приподнял подбородок и отступил на полшага назад. А затем красивый юноша в простой одежде молниеносно шагнул вперёд, обнажил меч и отбил удар. В следующий миг от оружия хлестнули два сталкивающихся потока духовной силы — вода и огонь, — и окружающие культиваторы тут же встrepенулись.

В области Цянькунь запрещены частные драки. Даже если прямо навстречу идёт твой кровный враг, самовольно нападать нельзя.

Е Чжэнвэнь тоже опешил. Пусть он и любил пользоваться властью, большие правила всё же не нарушал. Увидев вспыхнувшую схватку, сначала нахмурился, а потом ударил кулаком в ладонь

и обернулся к остальным:

— Это и есть Ци Цуньюй?

Ци Цуньюй — младший из семьи Ци Юаньлана в области Лошу.

Ещё за столом Е Чжэнвэнь говорил, что хочет собрать к себе в отряд нескольких самых сильных участников этого года. Цзян Тан не знал, подталкивал ли тут Фу Линцзюнь что-то исподволь, но итог был один: Ци Цуньюя и Хуай Чэнъяня действительно стоило позвать.

Так как раз и собирались все младшие, что были рядом с пятью даосскими святыми, когда-то запечатавшими Фу Линцзюня.

И вот стоило только утвердить этот список, как, едва выйдя наружу, Е Чжэнвэнь тут же наткнулся на одного из них. Мало того что наткнулся — ещё и своими глазами увидел, что Ци Цуньюй высокомернее даже его самого. Желание брать такого в команду отпало у него моментально.

— Нет, его нельзя, — молодой господин Е, ещё даже не выяснив, согласится ли тот вообще, уже начал придирается. — Если мы окажемся в одной команде, то будем собачиться с утра до вечера. — Самокритика у него, надо признать, была на месте.

Цзян Тан с этим полностью согласился.

Из-за запрета на драки в области Цянькунь кто-то из окружающих культиваторов уже послал за стражами области. Но тот культиватор, что напал на Ци Цуньюя, и не думал останавливаться. В глазах у него бушевала ненависть, и он раз за разом рубил всё яростнее.

Юноша, прикрывавший Ци Цуньюя, был ещё молод, и развитие у него уступало противнику. После нескольких десятков приёмов он начал не выдерживать, отступил назад на несколько шагов, так что даже земля под ногами треснула глубокими щелями.

На другой стороне улицы стоял юноша с фонарями в руках. Кожа у него была очень белой, глаза — огромные, круглые, чёрные, как бусины, а круглое лицо делало его значительно моложе. Хотя ростом он почти не уступал взрослым культиваторам рядом, так что дело было просто в слишком юном лице.

— Ци Цуньюй... — стоило ему услышать это имя, как на лице тут же появилось явное недовольство.

Но любопытство всё равно взяло верх, и он привстал на цыпочки, чтобы заглянуть в толпу.

Как раз в этот момент владелец длинного клинка пошёл в самую яростную атаку. Юноша в простой одежде уже едва держался, всё пятился и пятился назад, так что вокруг люди в ужасе начали отступать, опрокидывая по пути уличные лавки. В одно мгновение улица превратилась в хаос из криков, шума схватки и общего гомона.

Круглолицый юноша вздохнул, легко оттолкнулся носком от земли и взмыл в воздух. Перевернувшись в полёте, он мягко опустился прямо в центр драки. В его руке внезапно возник длинный кнут, пылающий огнём, и он хлестнул им по двум дерущимся.

Кнут отбил напористый длинный клинок и защитил юношу в холщовой одежде, который был уже почти на пределе.

Услышав перед этим слова внезапно напавшего культиватора, круглолицый юноша примерно понял, что тут произошло. Знал он и то, что противник сейчас в ярости, поэтому очень учтиво сложил руки в извиняющемся приветствии:

— Стражи области скоро будут. Если у этого даоса и правда есть личная вражда с Ци Цунъюем, всё равно не следует нарушать правила области Цянькунь.

Хотя вслух он и говорил, что правила нарушать нельзя, в подтексте ясно читалось другое: стражи уже идут, так что, если хочешь улизнуть, удирай сейчас, а мстить сможешь потом, за пределами области Цянькунь.

На лице того культиватора бурлила ненависть — он и правда хотел бы содрать с Ци Цунъюя кожу живьём. Но прекрасно понимал, кто стоит у того за спиной, и знал, что убить его ему не по силам. Потому лишь с яростью плюнул в сторону Ци Цунъюя и, пока стражи ещё не подспели, растворился в толпе.

Ци Цунъюй, увидев, что человек ушёл, только тогда оттолкнул от себя прикрывавшего его юношу в грубой одежде и шагнул вперёд. Слегка задрав подбородок, он посмотрел на круглолицего парня, который был чуть выше него, и насмешливо хмыкнул:

— Что, и ты решил сунуть нос в мои дела?

— А ты вообще кто такой? — круглолицый юноша закатил глаза и развернулся, чтобы уйти.

— Хуай Чэнъинь! Не слишком ли ты много о себе возомнил?! — Ци Цунъюй дёрнулся было вперёд, но юноша в холщовой одежде рядом тут же его остановил.

— И чего ты меня держишь? Есть же силы — так убей его! — Ци Цунъюй поднял руку и отвесил тому пощёчину. На юном лице тут же проступил ясный отпечаток ладони.

Для любого другого это было бы жутким унижением, но юноша даже не рассердился. Вместо

этого он наклонился к Ци Цунъюю и что-то тихо сказал. Цзян Тан не понял, что именно, но выражение лица Ци Цунъюя сменилось: от яростного и неуступчивого — к настороженному, а затем к злостному терпению. После этого он развернулся и ушёл, яростно взметнув рукавом.

Цзян Тану оставалось только удивляться сегодняшнему дню.

Ещё недавно он думал, сколько же времени уйдёт на то, чтобы собрать всех этих младших в одном месте. А оказалось — вовсе не так много. Сегодня они встретили их почти всех сразу.

Он не верил, что на свете бывает такое совпадение.

Ещё до того, как тот культиватор бросился вперёд, он стоял совсем недалеко у них за спиной. Пусть Цзян Тан и не чувствовал себя участником сюжета, он всё равно смутно ощущал: и это, похоже, очередная работа босса Фу.

Только вот как именно босс снова всё это устроил, он по-прежнему не понимал.

Но как бы то ни было, за один день собрали уже троих. А если прибавить Е Чжэнвэня, которого они «собрали» ещё раньше, получалось, что нужные четыре младших уже в полном комплекте. Не успел Фу Линцзюнь выбраться из долины, а дела у него шли молниеносно: раз сказал, что всех четверых надо утащить на утёс Жисы и зарезать, значит, не пропадёт ни один.

Цзян Тан, которому одному во всём мире оставалось только плестись по сюжету, объелся так, что животу стало неудобно, и с трудом перевернулся в объятиях босса, устраиваясь поудобнее.

Хуай Чэнъинь, уходивший в противоположную сторону спиной к Ци Цунъюю, всё ещё сердито пыхтел.

У него и без того было детское личико, а на щеках ещё держалась мягкая юношеская пухлость. Поэтому, как бы он ни злился, грозным не выглядел — только ещё милее.

Чтобы разминуться с Ци Цунъюем, ему пришлось идти как раз в сторону Фу Линцзюня и остальных.

Было очевидно, что Шэн Исюэ ему знакома. Бросив взгляд в их сторону, он тут же удивился. И было чему: по идее, в это время Шэн Исюэ должна была уже отправиться в секту Хуанъюнь учиться дальше. Так почему же она оказалась в области Цянькунь, да ещё и вместе с какими-то незнакомыми людьми?

Его взгляд скользнул по лицам Сун Цзинъюя и Е Чжэнвэня, а затем остановился на Фу Линцзюне, который держал на руках маленькую белую собачку.

Ничего странного: даже с самой заурядной поддельной физиономией босс всё равно стоял с выражением «я здесь самый крутой», и это бросалось в глаза слишком сильно.

Поколебавшись немного, Хуай Чэнъинь всё же решил подойти и поздороваться с Шэн Исюэ.

Сян Син, который после прибытия в область Цянькунь до этого вёл себя на редкость послушно, почему-то с самого начала не сводил взгляда с надутого Хуай Чэнъиня. А когда сам осознал, что делает, его палец уже непроизвольно ткнул юношу в мягкую щёку.

Ткнул — и на щеке появилась ямка. Палец убрали — ямка выскочила обратно, оставив лишь лёгкий след от ногтя.

Хуай Чэнъинь остолбенел.

С ним ещё никогда так не заигрывали. Он прямо надулся, как ткнутая рыба-фугу, и кончики ушей у него с поразительной скоростью покраснели до густой розовизны. Отшатнувшись назад, он ткнул пальцем в бесцеремонного здоровяка и, заикаясь, выпалил:

— Т-ты чего л-лезешь? Ч-чего ты мне лицо т-трогаешь?!

Сян Син и сам не очень понимал.

Он и говорить-то толком не умел, да и мозгов у него было не слишком много, так что сейчас просто скрутил свои узловатые руки, сплетённые из мышц, и с запинкой извинился:

— Сян Син... не... специально... тебя... тыкать.

Испуганный до заикания Хуай Чэнъинь, услышав, как говорит Сян Син, тут же вспыхнул ещё сильнее:

— Т-ты чего м-меня п-передразниваешь?!

Невинный громила моргнул.

— Не... передразнивать. Сян Син... всегда... так... говорить. — И голос при этом был до смешного обиженный.

Е Чжэнвэнь, стоявший рядом и наблюдавший за представлением, едва не умер от смеха.

Он схватился за живот, хохотал так долго, что у него выступили слёзы, а потом, вытерев уголки глаз, всё-таки подошёл:

— Фуфэн, Е Цюн, Е Чжэнвэнь. Брат Хуай, мой друг правда всё время заикается, он не передразнивает тебя...

И тут же снова не выдержал, зажал рот рукой и отчаянно попытался не заржать.

Надутый Хуай Чэнъинь уже весь стал розовым. Он и без того был белокожий, а кожа у него была слишком тонкая, так что стоило эмоциям подняться — и он весь делался похож на варёную креветку.

Увидев, что вокруг собирается всё больше зевак, он даже пальцем в здоровяка уже тыкать не смог, быстро убрал руку, напрочь забыв, что вообще-то собирался подойти поздороваться с Шэн Исюзэ, тяжело фыркнул и убежал.

Сян Син хотел было погнаться за ним, но всё же оглянулся на хозяина и только вытянул вперёд огромную руку:

— Не... хотел... тебя... злить.

При его горошинном объёме памяти здоровяк никак не мог понять, почему вообще ткнул юношу с мягкими щёками. В конце концов он махнул на это рукой и вернулся к Фу Линцзюню.

Цзян Тан перевёл взгляд с громилы на удаляющуюся сердитую спину юноши и невольно подумал:

Вот уж правда, ощущение такое, будто домашняя свинья научилась лезть к чужой капусте.

Когда этот фарс закончился, они наконец смогли двинуться дальше.

— Сяо Бай, ты, наверное, уже устал от мяса? — заметив у дороги продавца цинлинго, Е Чжэнвэнь велел отвесить немного плодов и протянул их. — Вот, ешь.

Цзян Тан тут же высунул из объятий босса Фу круглую собачью голову и лапой схватил цинлинго.

У-у-у, конечно. После мяса обязательно надо съесть фрукт, чтобы убрать жирность.

Фу Линцзюнь, державший на руках маленькую белую собачку, невольно опустил взгляд на этот пушистый комок, который с каждым днём становился всё круглее.

Он о чём-то думал, и Цзян Тан чувствовал, что в его настроении постепенно нарастает раздражение.

А думал Фу Линцзюнь в этот момент о той ерунде, что Е Чжэнвэнь до этого наговорил ему в лицо.

Хотя он отлично знал, что всё это бред, в голове у него раз за разом вставала картина, как серебристый тигр снова и снова лезет к пушистому комочку у него на руках.

Он крепко стиснул зубы — и вдруг сам потянулся к бумажному свёртку в руках Е Чжэнвэня, достал оттуда один цинлинго и с не самым добрым лицом откусил кусочек.

На вкус было кисло. Очень кисло. Совсем не та кислота, которая обычно нравится людям.

Брови Фу Линцзюня чуть заметно приподнялись.

— Брат Линь, я слышал от матери, что, когда она носила меня, ей тоже очень хотелось кислого. Сяо Бай в последнее время так любит цинлинго... Может, у неё всё-таки с Да Баем... Если это правда, мой Да Бай обязательно возьмёт на себя ответственность!

Лишённый чувства самосохранения молодой господин Е снова начал нести чушь, и та ледяная волна, которую он почувствовал ещё у окраины Уя, налетела на него в третий раз, да ещё мощнее прежнего.

С каменным мрачным лицом Фу Линцзюнь швырнул надкушенный цинлинго обратно в свёрток Е Чжэнвэня, прижал к себе маленькую белую собачку и сделал вперёд два широких шага. А потом, будто вдруг что-то вспомнив, с тем же мрачным выражением сунул Сяо Бая прямо в объятия Шэн Исюэ.

Шэн Исюэ, которой внезапно в руки впихнули увесистый пушистый комок:

— ?

Юноша с самым заурядным лицом смотрел так, будто собирался разрушить мир, и крайне деревянным тоном приказал:

— Осмотри её.

Осмотреть что?

Только тут Шэн Исюэ, задним числом сообразив, о чём до этого говорили Е Чжэнвэнь и Фу Линцзюнь, смущённо принялась прощупывать маленькую белую собачку.

Через некоторое время она неловко протянула её обратно:

— Господин Линь, Сяо Бай — самец. Он просто потолстел.

Примечание автора:

Цзян Тан: напугали до смерти...

Фу Линцзюнь: медленно убирает занесённый клинок.

Серебристый тигр, чудом избежавший беды: ау? А что вообще произошло?

<http://bllate.org/book/17032/1638324>